

Е.В. Сафонова

Новосибирский государственный педагогический университет

**К вопросу о генезисе мотива «таинственного посещения»
в русской литературе**

Аннотация: В статье рассматривается проблема генезиса мотива «таинственного посещения» в русской литературе. Зародившись в библейских текстах о явлении Святого Духа верующим, данный мотив приобретает свой законченный облик в литературе романтизма.

The article deals with the genesis of motive of the «mysterious visiting». Born in the biblical texts on the phenomenon of the Holy Spirit believers, this motive takes its final appearance in the literature of Romanticism.

Ключевые слова: генезис, мотив, религиозный компонент, преромантизм, романтизм, феномен Гения.

The genesis of the motive, the religious component, pre-Romanticism, Romanticism, the phenomenon of Genius.

УДК: 821.161.1.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Виллюйская, 28. НГПУ, ИФМИП. Тел. (383) 2440630. E-mail: safonova-ngk@mail.ru

На рубеже XVIII–XIX веков в философии и эстетике романтизма обостренно рефлексировалась двойственность человеческой природы, соотнесенной – одновременно – с полюсами реального и трансцендентного. Это переживание романтической личностью собственной «рубежности», «пограничности» в мироздании ляжет в основу мотива «таинственного посещения», актуализирующегося в произведениях романтиков.

Мотив «таинственного посещения» представляет собой ситуацию посещения лирического героя «гостем» из ирреального мира. Благодаря опыту, вынесенному из подобной «встречи», герой начинает осознавать свою отмеченность, выделенность из общей человеческой массы. Он переживает «явление» таинственного гостя как ответ из неземного мира, явленный в земной жизни. Однако «чудесная» встреча не может длиться долго, «посланник небес» исчезает так же внезапно, как и появляется. Человеческий порыв к бесконечному не может быть утолен – граница между мирами непреодолима для человека, и краткий миг встречи оставляет лишь тоску по недостижимому Идеалу.

Само именование мотива через отглагольное существительное («посещение») обусловлено концепцией мотива лирического текста, восходящей к работам Е.М. Мелетинского, В.И. Тюпы, И.В. Силантьева: категория мотива, по мысли В.И. Тюпы, предполагает тема-рематическое единство. Речь идет о принципиальном свойстве мотива служить основой полноценного сюжетного высказывания, т. е. не только говорить об известном и принятом («тема»), но и сообщать о чем-то новом (что есть «рема»), а в плане сюжетосложения – сдвигать сюжетную

ситуацию через новое событие в новую ситуацию. На первый план выдвигается событие происходящее или происшедшее в прошлом. Таким образом, ядро мотива «таинственного посещения» – встреча лирического героя, которая составляет событие его внутренней жизни.

Структуру данного мотива можно описать как систему, состоящую из трех ключевых компонентов: 1) воспринимающий субъект, напряженно переживающий таинство встречи с ирреальным «гостем»; 2) сам «таинственный посетитель»; 3) хронотоп встречи человека и обитателя горнего мира. Данная структура является достаточно устойчивой, что позволяет нам говорить о функционировании в русской литературе мотивемы «таинственного посещения». Кроме того, наличие транстекстуальных вариантов данного мотива требует изучения его составляющих (постоянных и переменных) и – самое главное – построения его модели, включающей ядро и периферийные элементы.

Для мотива «таинственного посещения» одной из важнейших характеристик является наличие в нем религиозного компонента. «Таинственный посетитель» генетически связан с библейскими ангелоподобными посланниками, несущими избранным слово Божье, помогающими ему сделать верный шаг в ситуации жизненно важного выбора. Идея избранничества, особой отмеченности – ключевая для библейского текста, позднее она переходит в предромантическую литературу.

Библейское «ощущение» Божественного присутствия в человеческом мире, осознание человеческой души как места встречи человека с Богом, наделение ее качествами некоего пространства, где возможен выход за границы реального, становится основой для размышлений людей следующих эпох над тайнами моментов «озарений», выходов за границы собственного «я». Собственная избранность, отличие от других людей способностью создавать в моменты просветлений произведения искусства начинают осмысляться как повод для саморефлексии, поисков в своей душе присутствия надличной силы, побуждающей к творчеству.

Средневековый человек, живущий в мире, подчиненном религии, церкви, нуждался в непосредственном чувствовании надмирного, управляющего его миром. Согласно учению исихастов, человеческая душа есть место встречи, мимолетной и неопишуемой, с Богом. Она приобретает это качество во время умной молитвы – молитвы, преобразующей ум в «орган невещественный и нестяжательный» (Нил Сорский), место непосредственного контакта феноменального и нуминального горизонтов действительности. Единственное требование – «затворить» ум в сердце и удерживать, сколько возможно дыхание, причем на определенной стадии молитва произносится не словами, но неким внутренним голосом [Флоровский, 2003].

Так, в практике исихазма душа человека начинает осознаваться как пограничное пространство, где подготовленный долгими годами послушания может увидеть невидимое, на краткий миг приобщиться к божественному свету, почувствовать Его присутствие в себе самом. Впервые признается возможность трансцендентного нисходить в человеческую душу с целью приобщения избранного, отмеченного, на краткий миг к Высшим тайнам, которые невозможно описать словами человеческого языка, но ощущение которых внятно душе, освещает ее иным светом.

В средневековье, вплоть до Возрождения, не возникало сомнений в именовании Высшей силы. Но после изменений, происшедших в XVII в. не только во внешней жизни, но и в сознании людей, секуляризованном, освобождающемся от власти церкви, меняются основные характеристики «посетителя», носителя этой силы. Все чаще творцы новой эпохи начинают отходить от прямого называния своего «таинственного гостя»: не теряя черт божественного начала, он, однако, становится «Гением», «Аполлоном», приобретая собственные, все еще сходные с божественными, характеристики.

Одна из первых попыток осмысления творческого дара как «богоизбрания» предпринимается поэтом-философом М.М. Херасковым в прологе к поэме «Петр Великий» – по отношению к фигуре М.В. Ломоносова. Ученый и ритор превращается в «памятник» себе, выступая в этом новом качестве как «богоизбранный Гений». Волна увлечения феноменологией Гения запечатлелась «в литературной жизни XVIII столетия». Показательно суждение о «Россияде» Хераскова «львовского кружка»: «Нет genie. Повсюду явствуется работа и труд» [Пашкуров, 2003, с. 53]. Позже Г. Державин будет провозглашать «наитие гения», «спечаток творческого духа». Критик М. Баккаревич создает, по сути, первую для России формулу феномена Гения (опять же в связи с рецепцией личности Ломоносова): «Же ни есть некая зиждущая сила души... животворный огонь, которым движимый человек выходит из круга... смертных и, подобно парящему орлу, устремляется к лучезарному храму бессмертия» (цит. по: [Там же, с. 51]).

В основе миропонимания предромантизма оказывается новое понимание природы как живой, естественной, постоянно окружающей человека, «вследствие чего и поэзия предстает как оригинальная, искренняя, чувствительная, выражающая энтузиазм гения» [Там же, с. 52]. М.Н. Муравьев явился одним из первооткрывателей и сентиментализма, и предромантизма для России. В «Похвальном слова Михайле Васильевичу Ломоносову» (1774), поэт, несмотря на ощутимую зависимость от эпохи Просвещения, вводит ряд акцентов, показательных для становящегося романтизма. Самой важной для изучения мотива «таинственного посещения» можно считать мысль о том, что мастер слова непреложно попадает в зависимость от высшего духовного начала. Эта мысль о внешнем божественном озарении, изливающимся на душу творца, позже, в критических трудах того же М. Муравьева, приобретет новый оттенок – гении обладают таинством творчества. Это «сокровенное таинство» (эпистола «Сила гения») доступно лишь «любимцам гения от самой колыбели»:

Не может тяжкий труд и хладно размышленье
Мгновенным гения полетам подражать,
И сокровенную печать,
Которая его дает благоволение,
Нельзя искусству похищать.
[Муравьев, 1972, кн. 2, с. 121].

Появление мысли об особой отмеченности личности Гением («сокровенная печать») в романтизме станет одним из основополагающих. Поэты, художники от рождения выделены из толпы для исполнения определенной миссии – творить; это «небом избранные мессии Долга», «обреченные храму бессмертия и славы».

Если ранние предромантики рассматривали феномен Гения применительно к великим умам прошлого, то для более поздних авторов (1800–1810 годы) характерно признание уже самих себя «любимцами муз»:

Без злата и честей
Доступен добрый гений
Поэзии святой,
И часто, в мирной сени,
Беседует со мной.
[Батюшков, 1964, с. 141]

Происходит осознание себя лирическим героем как личности, отличной от других своей способностью к встречам с «прилетающими» вестниками – Фантазией, Музой, Мечтами, Аполлоном и, конечно, – Гением. Встречи с ними всегда ожидаемы и радостны для лирического субъекта, их исчезновение – утрата поэти-

ческого дара, что для поэта равнозначно концу жизни. Фигура посетителя у предромантиков определена достаточно точно. У него всегда есть имя, способное породить определенный круг культурных ассоциаций («небесно вдохновение», «добрый гений», «подруга Муза»). По мысли Ю.М. Лотмана, язык предромантизма предельно ясен: «Плохое произведение – всегда произведение... странное, не пользующееся успехом у читателей, непонятное им» [Лотман, 1971, с. 18]. Непонятности и странности будут осмысляться в качестве достоинства литературы уже в романтизме. Именно тогда и появится возможность усложнения образа «таинственного посетителя», он будет шире, чем «поэтический Гений», подобная линейная трактовка станет невозможной.

Воспринимающий субъект (ключевой элемент в системе мотива «таинственного посещения») также имеет ряд различий со своим предшественником – лирическим героем предромантических поэтических текстов. Он начинает чувствовать свое отпадение от мира божественного, непонимание его законов; не всегда теперь «таинственный» гость олицетворяет высшую светлую волю. В позднеромантических текстах «гость» – олицетворение метафизической тоски по недоступному небу, невозможности приблизиться к пониманию Высшей воли.

Таким образом, можно утверждать, что мотив «таинственного посещения» зарождается в библейских текстах о явлении Святого Духа верующим. Интерес к подобным текстам проявляется в эпоху Классицизма в поэтических переложениях псалмов (В.К. Тредиаковский). «Божественная искра» гения – в свете ломоносовского феномена – отражена в творениях ранних предромантиков, осмысливаясь как некая Высшая составляющая личности гения.

Культовый поэтический Гений, усложняясь и приобретая особые, свойственные только романтизму черты, рождает мотив «таинственного посещения» – мотив души поэта, ждущей их проявления Высших трансцендентных сил в облике «таинственного посетителя», существа, аналогов которому нет в земном мире.

Литература

Батюшков К.Н. Мои пенаты // Батюшков К.Н. Полное собрание стихотворений / Вступит. ст., подгот. текста и примеч. Н.В. Фридмана. М.; Л., 1964. (Библиока поэта. Большая сер.)

Лотман Ю.М. Поэзия 1790–1810-х годов // Поэты 1790–1810-х годов. Л., 1971 (Библиотека поэта).

Муравьев М.Н. Сила гения // Аониды. М., 1972. Кн. 2.

Пашкуров А.Н. Муравьев-критик о Гении // Критика и ее исследователь: Сб. посв. памяти проф. В.Н. Коновалова. Казань, 2003.

Флоровский Г. Пути русского богословия. 2-е изд., испр. и доп. Интернет-версия / Под общ. ред. Его Преосвященства Александра (Милеанта), Епископа Буэнос-Айресского и Южно-Американского. 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vehi.net/florovsky/puti/> Дата обращения – 8.09.2012.